

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Михаил ПОПОВ

ИСТОРИЯ ХОДЖИ НАСРЕДДИНА

Всемирная история в романах

Михаил Попов

История Ходжи Насреддина

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

Попов М. М.

История Ходжи Насреддина / М. М. Попов — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-5702-9

Случилось это в городе Багдаде во времена правления великого халифа Гаруна аль Рашида, в VIII веке. Однажды в гарем багдадского дворца пробрался некий оборванец. Он назвал себя Ходжой Насреддином, а его дерзкий поступок, конечно же, возмутил всеобщее спокойствие. Так и началась эта история, истинная и в то же время фантастическая, похожая на одну из сказок Шахерезады. Иначе и быть не может, когда речь идет о такой легендарной личности, как Ходжа Насреддин. А чему из рассказанного можно верить, пусть судит сам читатель.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-5702-9

© Попов М. М., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Об авторе	6
Часть первая	8
Пролог	8
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	28
Глава 9	36
Глава 10	38
Глава 11	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Михайлович Попов

История Ходжи Насреддина

© Попов М.М., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Об авторе

Михаил Михайлович Попов

Михаил Михайлович Попов родился в 1957 году в Харькове. Учился в школе, сельскохозяйственном техникуме и литературном институте. Между техникумом и институтом два года прослужил в Советской армии, где и начал свою литературную жизнь, опубликовав романтическую поэму в газете Прибалтийского ВО. Сочинял и публиковал стихи. Выпустил три сборника. Но одновременно писал и прозу. Дебют на этом поприще состоялся в 1983 году, в журнале «Литературная учеба» была опубликована повесть М. Попова «Баловень судьбы».

В 1988 году вышел роман М. Попова «Пир», и, несмотря на то что речь в нем шла о жизни психиатрической больницы им. Кащенко, роман был награжден Союзом писателей СССР премией им. А.М. Горького «За лучшую книгу молодого автора».

Круг профессиональных литературных интересов Михаила Попова всегда был широк, и с самого начала одним из самых заметных направлений в его работе была историческая романистика. В 1994 году он выпустил роман «Белая рабыня», об архангельской девчонке, ставшей во второй половине XVII века приемной дочерью губернатора Ямайки и устроившей большой переполох в Карибском море. Морская тема была продолжена романами «Паруса смерти», «Барбаросса», «Завещание капитана Кидда». Но и на суше у исторического романиста Михаила Попова есть свои интересы. Большим успехом пользуется у читателей и постоянно переиздается его роман «Тамерлан», в котором описываются годы становления знаменитого полководца, его трудный и извилистый путь к трону повелителя Азии. Вслед за образом диктатора

восточного писатель обратился к образу диктатора западного образца, первого единоличного римского правителя Суллы (роман «Темные воды Тибра»). Объемистый роман посвящен и истории Древнего Египта («Тьма египетская»), где речь идет, наоборот, не о властителе, а о ребенке, мальчике Мериптахе, ставшем невольной причиной крушения в стране фараонов власти «царей-пастухов» – гиксосов.

Особое место среди исторических романов занимают книги, посвященные исследованию такого загадочного и весьма неоднозначного феномена, до сих пор волнующего воображение миллионов людей в разных странах, как орден тамплиеров. Несмотря на то что с момента его официальной ликвидации в 1314 году прошло сравнительно немного времени, осталось чрезвычайно мало документов, на которые можно было бы надежно опереться при создании книги о тамплиерах. Деятельность храмовников в Палестине – вообще сплошная загадка. Михаил Попов дает свою версию событий, происходивших в XII–XIII веках на Святой земле, и свой взгляд на то, какую роль в этих событиях сыграли рыцари Храма. Романы писателя «Цитадель тамплиеров» и «Проклятие» вызвали большой интерес у читателей, имели место даже массовые ролевые игры на основе сюжета этих книг в Белоруссии и Тверской области.

Помимо исторических романов в традиционном понимании, Михаил Попов написал несколько произведений как бы межжанрового характера, и исторических и фантастических одновременно. Таких как «Огненная обезьяна», «Вавилонская машина», «Плерома».

Когда М. Попов пишет о современности, он не ограничивается темой сумасшедших домов, как в романе «Пир», он интересно и внимательно исследует психологию современного горожанина, что и отразилось в его романах «Москаль», «Нехороший дедушка», «Капитанская дочь».

Но все же, как нам кажется, М. Попова следует считать по преимуществу романистом историческим. Более того, есть сведения – несмотря на уже написанные им две книги о тамплиерах, что автор не считает разговор о рыцарях Храма законченным.

Избранная библиография М.М. Попова:

- «Пир» (1988)
- «Белая рабыня» (1994)
- «Паруса смерти» (1995)
- «Тамерлан» (1995)
- «Темные воды Тибра» (1996)
- «Барбаросса» (1997)
- «Цитадель тамплиеров» («Цитадель», 1997)
- «Проклятие тамплиеров» («Проклятие», 1998)
- «Огненная обезьяна» (2002)
- «Вавилонская машина» (2005)
- «Плерома» (2006)
- «Москаль» (2008)
- «Нехороший дедушка» (2010)
- «Капитанская дочь» (2010)
- «Кассандр» (2012)

Часть первая

Пролог

Вот, очевидно, самая известная история, произошедшая с Ходжой Насреддином:

Однажды падишаху подарили осла. Падишах позвал к себе Ходжу Насреддина и спросил:

– Люди говорят, что ты мудрец, и даешь ответ на любой вопрос. Вот скажи, что мне делать с этим ослом?

Ходжа не растерялся и ответил:

– Слава Аллаху! Я вижу, этот осел необыкновенный. Отдай его мне, повелитель, и я научу его говорить.

Падишах заинтересовался этим предложением. Уж очень хотелось ему иметь при дворе что-нибудь диковинное. Он сказал:

– Хорошо, я дам его тебе. Каковы твои условия?

– Увы, повелитель, условия мои могут быть немного накладными для тебя, – отвечал Насреддин, – учить осла говорить – дело нелегкое. Дай мне пять лет и тысячу золотых динаров.

Падишах согласился, и Насреддин взял деньги и увел осла. Когда Ходжа пришел домой, то рассказал обо всем жене. Она стала волноваться:

– Это не к добру! Как ты мог такое обещать повелителю? Неужели ты не боишься его гнева? Разве осел научится говорить?

– Конечно не научится, – ответил мудрец.

– А если так, зачем ты взялся за это дело?

– Как зачем? – сказал Ходжа, – Посмотри, сколько денег я принес.

– А что ты скажешь падишаху через пять лет? – не унималась супруга.

Не думая ни секунды, Насреддин ответил:

– Бери эту тысячу золотых, и трать как тебе заблагорассудится. За пять лет или осел сдохнет, или падишах помрет.

Глава 1

Зычный голос разносился по площади Дамаска:

– Богомерзкий обманщик и растлитель, порождение шайтана и ехидны, злокозненный мерзавец и хулитель священной власти халифа, змееподобный грабитель сокровищниц, нарушитель покоя гаремов, возмутитель городских базаров и харчевен, преступный похититель душ юношества и осквернитель общественных нравов, жестокая угроза всему цветущему и разумному приговаривается к отделению головы от тела во избежание действия хитроумного умения уходить невредимым из ям и узилищ...

Глашатай свернул огромный лист исписанного пергамента и с низким поклоном повернулся в сторону стоящего на восьми резных столбах высокого павильона, под которым сидел овеваемый опахалами двух полуголых негров престарелый правитель города. Возникло секундное молчание. Дамаск стоял перед правителем на коленях, только бдительные стражники высились черными столбами над полем разноцветных спин. С другого края большой торговой площади, у грузной мрачной Железной башни в этот самый момент готовили к казни того, кто только что был охарактеризован с помощью глашатая. От башни к подножию павильона правителя вела широкая свободная от кланяющихся тел полоса.

Правитель кивнул, не открывая своих старческих слезящихся глаз.

От стражника к стражнику прошелестела едва слышная команда, понеслась к башне, пока не растворилась в воротах, которые тотчас хрустнули и распахнулись, выпуская короткую процессию. Впереди шел громадный полуголый палач в накинутах на голову и плечи кожаной попоне с прорезьями для глаз. За ним два карлика несли большой красный сафьяновый ящик, заключавший в себе знаменитый багдадский топор, уже отправивший на тот свет несчетное количество бунтовщиков и местных знаменитых воров. Дальше два могучих стражника волокли под руки человека в белой, испачканной рубахе, с головой, замотанной тканью. Это было сделано специально, ибо ходили слухи, что Ходжа Насреддин столь искусен в деле словесного и физиономического оболыщения, что, если ему оставить возможность говорить, и просто подмигивать и корчить рожи, он найдет способ смутить любого, находящегося при должности тюремного работника.

Ходжа Насреддин был похож на себя. Это был человек сорока примерно лет, умеренного телосложения, с черной бородой, торчавшей из-под повязки. Он ужасно извивался и пытался что-то прокричать, что трудно сделать при вырванном языке. Заплеванная его криком повязка напиталась кровью.

Разные были настроения в собравшейся толпе.

Наибольшая часть сочувствовала Ходже Насреддину и горевала, что теперь-то он точно не избежит казни. Это были в большинстве своем простолюдины, ремесленники, водоносы, дехкане, чайханщики, погонщики верблюдов.

Меньшая часть – купцы, менялы, в основном все те, что при жизни приговоренного страдали от его острого языка, громко и даже открыто радовались.

Процессия медленно продвигалась к павильону правителя. Наконец остановилась у его подножия, там, где располагалась старинная, пропитанная кровью плаха.

Следуя заведенной традиции, великий визирь дворца правителя Дамаска, испросив почтительно разрешения, обратился к замотанному:

– Ты тот ли, кого называют в Багдаде, Дамаске, Халебе, Хорасане, Мерве, Самарканде, Бухаре, Тебризе и множестве других городов преступным именем Ходжи Насреддина?

Замотанный, очевидно ощутив, что пришел его последний час, яростно забился в руках стражников, что вызвало радостное возбуждение в рядах его недоброжелателей – а, боишься! И стоны в рядах сторонников.

Правитель чуть повел рукой, повелевая площади принять вертикальное положение. С кряхтением и шумом толпа поднялась.

Палач поднял топор, лезвие которого сверкнуло на солнце.

Тело преступника было брошено на колоду и продолжало там извиваться.

Правитель издал какой-то звук, кажется кашлянул, топор обрушился вниз, и казалось, что даже было слышно, как он разрезает воздух.

Глава 2

Мальчик рос в большой семье, что проживала в селении на берегу неширокой каменистой реки на отрогах Антиливана. У семьи мальчика было большое поле, где выращивались овощи, которые продавались потом на рынке в городе неподалеку. Росло три фисташковых дерева и шесть смокв. Мимо проходила дорога, уводившая к Дамаску, а может, и не к Дамаску, а к побережью. Она проходила тут всегда. Иногда на ней поднимали пыль большие караваны, иногда одинокие всадники, скакавшие с поручениями, и которым не было дела до маленького селения, затерянного в предгорьях.

Однажды по этой дороге явилась беда. Полсотни вооруженных всадников, говоривших на незнакомом языке, прискакали с севера. Они, непонятно зачем, убили всю семью мальчика и вытоптали огород, благоденствовавший после полива, и разграбили дом. Добыча их была скудна, а злость велика. Они ходили по двору, пинали сапогами кур и непонятно зачем стучали нагайками по деревьям. Чудом не нашли мальчика, спрятавшегося за выступом стены, огибавшей огород.

Они ускакали, ругаясь на непонятном языке.

Мальчик дождался, когда осядет пыль, и вышел на дорогу.

Село обезлюдело, мальчику не к кому было пойти, и он отправился куда-то по дороге. Возможно, к Дамаску, а возможно, и к побережью. Шел довольно долго, и никто не попадался ему навстречу. Наконец, впереди он увидел верблюда с погонщиком на спине.

Караван! Или новые разбойники. Караванов можно было не бояться. Они не причиняли вреда, просто не обращали на таких, как мальчик, никакого внимания. Он остался стоять у обочины, глядя на проплывающие шерстистые башни, увешанные тюками.

Караван был длинный.

Мальчик стоял и стоял.

И неожиданно один из последних верблюдов остановился. С него спрыгнул довольно молодой погонщик с длинным кнутом.

Мальчик отступил на несколько шагов, он боялся кнута. Но человек каравана не стал замахиваться кнутом, а что-то сказал. Язык его был незнаком мальчику, но отличался от языка разбойников. А голос был ласков. Мужчина несколько раз повторил одну и ту же фразу, и мальчик понял, что у него спрашивают его имя, и сказал:

– Саид, – и приложил ладонь к груди.

– Нуруддин, – сказал погонщик.

Потом, спустя много лет, когда мальчик уже подрос и выучил язык караванщиков, он спросил у Нуруддина, почему он взял его тогда с собой, стоящего на дороге.

– Караван был длинный, и пока он проходило мимо тебя, ты ни у кого ничего не попросил.

Саид задержался в караване до конца поездки и постепенно освоился. Поил верблюдов, раскладывал волосяные веревки на стоянках вокруг мест, где ночевали караванщики, иногда отправлялся на разведку, когда ему уже было чуть побольше лет – ребенок вызывает меньше подозрений, а курс каравана часто прокладывался по землям, где передвигаться было опасно.

В двенадцать он уже управлял старшим верблюдом и, таким образом, вел весь караванный поезд за собой. Много ему пришлось пережить разбойничьих нападений и переговоров с таможенными многими ханств, которые для каравана заканчивались порою более серьезными потерями, чем встречи с разбойниками.

С высоты послушного, умелого и, кажется, даже разумного отчасти зверя, он увидел всю великую Азию, и ничего не забыл. Караваны отправлял в разные части великого исторического пространства один из крупнейших дамасских торговых домов, принадлежавших Хурдеку ибн Саламу. Он был человеком преклонного возраста и сам никогда не стремился в рис-

кованные торговые путешествия. Он сидел у себя в роскошном доме из розового туфа, в саду, своими размерами и богатством уступавшем только саду при дворце наместника благословенной Сирии. Десятки караванов извивались по дорогам в направлении кавказских гор, персидских нагорий, раскаленных пустыней Аравии. Многочисленные корабли отплывали, груженные восточным товаром, в сторону Константинополя и даже западных варварских королевств.

Каждый третий караван терпел неудачу и, бывало, погибал в пути, несмотря на хорошую, подобранную умелыми и верными людьми охрану, или если не погибал, то являлся в Дамаск с товаром, перепродажа которого не могла принести приличной прибыли. Но зато остальные привозили индийские специи, иранские ткани, ахалтекинских лошадей, слоновую кость, китайские лекарства и другие ценности, которые вместе с дамасской сталью, что выковывалась в кузницах Хурдека ибн Саляма, отправлялись дальше по свету или с огромной прибылью распродавались тут же в Сирии.

Саид загорел как негренок во время вояжей в места, называвшиеся в древности Эламом, где жизнь протекала отнюдь не на поверхности земли, а в бесчисленных вырытых в глинистой почве противосолнечных убежищах, где никто специально не жарил яичницы, потому что разбитый на камень желток сам собой схватывался за пару секунд. Саид замерзал на горных перевалах Ирана, где внезапный снегопад с горбами покрывал легших на ночь верблюдов, и поутру их приходилось откапывать из-под снега. Свои испытания готовила для караванщиков Аравия, недельные коричневые бури скрывали от людей солнце и заставляли натягивать на лицо бараньи шапки, иначе был риск задохнуться. Самые таинственные приключения выпадали на долю Саида и Нуруддина в жарких как хаммам плавнях евфратской дельты. Камыши в два человеческих роста, крокодилы, длинные, как лодки аборигенов, и гигантские змеи, которые воровали гребцов с лодок. Большую опасность представляли собой реки, местные жители специально скрывали, где располагаются переправы, и при экстренном форсировании водной преграды товар намокал и шел уже по бросовой цене. Бывали и удивительные дни, когда караван двигался через цветущие персиковые сады, или по луговине вдоль прохладного озера. Но чаще всего на долю караванщиков выходили голые выжженные или заснеженные пространства, обрывы, спуски, подъемы и вечная неизвестность.

Саид изучил арабский язык, персидский язык, пуштунский язык, армянский язык, язык неверных, проживавших в Царьграде, понимал примерно пятнадцать разных наречий. Нельзя сказать, что любой караванщик обладал такими же языковыми способностями, Саид по этой части опережал всех, даже своего усыновителя Нуруддина. Из-за этого его ценность росла, и рос авторитет.

Как-то у костра, во время одной из ночевков в пропахшем дымом и горелым бараньим жиром караван-сарая, он услышал ту самую речь, которой не мог забыть все эти годы.

– Кто это? – спросил он шепотом у Нуруддина.

– Сельджуки, – тихо ответил тот и приложил палец к губам.

Караван в это время находился немного восточнее Тебриза, он шел по местам, частенько подвергавшимся набегам этого воинственного племени, оно держало в страхе всю Переднюю Азию, вплоть до Каппадокии. Теперь Саид знал, кому он должен быть обязан таким резким поворотом в своей судьбе.

Глава 3

Багдадский гарем не засыпает никогда. Апрельским чудесным утром в своем киоске – или, если угодно, отдельном павильоне – распахнула глаза красавица Гульджан. Она посмотрела на человека, лежавшего рядом с ней в постели, и сердце сжалось от испуга и удивления. Это был сорокалетний мужчина с короткой бородкой и смеющимися глазами. Главное – он не спал. И лежал поверх роскошного, шитого ширазским бисером покрывала, облаченный в свою потасканную странную одежду и стоптанные чупяки.

Гарем оживал после разнообразно проведенной ночи. Клекотали и прокашливались попугаи в клетках, с которых сдергивали цветастые шали, кряхтели широкозадые ночные евнухи, собирая свои молитвенные коврики. Львиноподобно рычали стражники, прикрывая рот ладонями, они стояли в дальней линии охранения на внешней резной стене, но им трудно было скрывать свое сонное богатство. Тихо щебетали прислужницы ослепительных жен халифа, ставили закопченные кофейники на только что разведенные старухами огонь в многочисленных очагах, и споласкивали яшмовые гаремные чашки, предназначенные для драгоценных губ, имевших честь прикоснуться в груди самого Гаруна аль Рашида.

Сами жены еще почивали, досматривая любимые сны о том, как они выносят к центральному фонтану гарема новорожденного мальчика, плод любви великого халифа.

Спал сам халиф, в отдаленном, тайном покое, нарушая обычный порядок дня, начинавшегося молитвой, продолжавшийся вольтижеровкой, с последующим омовением в голубом бассейне.

У халифа были свои основания к тому, чтобы продлить свой ночной отдых. Сегодня был замечательный день, когда правитель исламского мира позволял себе выход в ночной мир Багдада, дабы из первых уст услышать от жителей великого города мнение о своей собственной персоне.

Это были страшные дни для служителей его явной и тайной охраны, потому что никто из здравомыслящих людей не верил в то, что халиф может остаться цел в толпе обожающих его горожан.

По правде сказать, из слуг мало кто верил в то, что жители Багдада любят своего халифа и приготовят к встрече доброе слово, а не острый нож.

* * *

– Кто ты? – удивленно спросила Гульджан. – Как ты попал сюда?!

– Я зашел навестить моего друга халифа и познакомиться с его прекрасной новой женой.

– Я сейчас закричу!

– Не надо, – шепотом сказал мужчина.

Гульджан растеряно захлопала ресницами, но не успела ничего сказать. Неглубоко внизу в главном гаремном проходе послышался шум опахал, и это движущееся кипение продлилось вглубь роскошного городского острова, каким являлся гарем. Это означало, что явился, как всегда неожиданно, Салах-хан, визирь гарема, один из важнейших чиновников дворца и всего халифата. Стало быть, гаремные шпионы донесли ему, что мир главного хранилища высоких услад халифа где-то нарушен, и на его территорию проник враг.

– Кого они ищут? – испуганно спросила Гульджан.

Ее гость беззаботно улыбнулся:

– Меня.

– Как тебя зовут?

– Все равно как, как бы меня ни звали, с тебя сдерут заживо кожу и повесят голое тело на перекладине под воротами.

Девушка испуганно оглянулась.

– Но я же ничего не сделала!

Незнакомец улыбнулся и сказал:

– Ты мне понравилась.

– Но я тебя не знаю.

– Ты не бойся, я сейчас исчезну.

За парчовыми стенами киоска нарастал шум приближающегося повального обыска.

Слуги взялись за дело.

Незнакомец встал.

Гульджан тоже встала.

– Но все-таки скажи, как тебя зовут?

Он усмехнулся, посмотрел в сторону приближающегося шума и сказал: «Ходжа Насреддин», – и тут же вышел из киоска Гульджан. Буквально через несколько секунд туда ввалились люди в подпоясанных черных халатах и белых клобуках.

– Где он!?

Гульджан он неожиданности и страха села на подушки. Собаки, которых стражники держали на сворах, разразились лаем, почувствовали запах исчезнувшего.

Девушка не могла сказать ни слова, это ее и спасло. Стражники бросились дальше.

Во время этих, довольно частых, операций нарушалось высочайшее распоряжение, запрещавшее простым, неподготовленным людям видеть лица жен халифа, но Гарун аль Рашид мирился с этим, и порой ему везло. Счастливые любовники попадались в сети облавы, и парами, именно что без кожи, вывешивались на перекладине, устроенной под воротами как раз для таких случаев. Жен у халифа было более пятисот, наложниц вдвое больше, так что отбоя не было от стремящихся на перекладину под центральными воротами.

* * *

Великий повелитель Востока халиф Гарун аль Рашид был высокий, статный, чернобородый, черноглазый и черноволосый мужчина. Молитва и вольтижировка были позади, теперь он покидал небольшой бассейн с розовым мозаичным рисунком на дне, по широким невысоким ступеням. У коврового кресла с низкой спинкой стояли четыре прислужника. Два с опахалами, два с распахнутыми халатами. За их спинами в почтительном полупоклоне – государственные чиновники в синих чалмах с большими серебряными звездами.

Мускулистое смуглое тело халифа было обхвачено нежной тканью халата. На сегодня правитель выбрал темный, коричнево-золотой шелковый халат, что тут же было помечено в раскрытой рукописи дворцовым историком и письмоводителем Бурхан Хамадом. На ноги халиф изволил надеть расшитые бисером и золотой нитью туфли. Что тоже не прошло незамеченным.

Гарун аль Рашид опустился в кресло. Чаще он принимал доклады, расхаживая вокруг бассейна.

Служители исчезли. Их мгновенно заменили другие служители с подносами, на которых высились серебряные кофейники, вазы с фруктами и большая чаша с верблюжьим молоком. Правитель свято верил в то, что именно верблюжьему молоку обязан своим здоровьем и физической силой.

Первым, как и положено, из шеренги сановников выступил великий визирь Хуссейн ибн Хуссейн: поклонившись, он поинтересовался, угодно ли правителю полумира, чтобы его верноподанные слуги приступили к утреннему докладу.

Гаруну аль Рашиду было угодно.

Хуссейн ибн Хуссейн уступил место Салах Хану, на котором лица не было – слишком скандальное происшествие имело место в подведомственном его заботам гареме. Никогда не был уверен Салах Хан, что очередной доклад закончится для него удовлетворительно, ибо непредсказуемый нрав владыки иногда давал неожиданные резкие вспышки, и тогда докладчика уводили в недра дворца дюжие стражники.

Халиф посмотрел в отсутствующее лицо визиря и вдруг велел ему вернуться на место. Он выслушает его в конце общего доклада.

Следующим выступил широкоплечий, облаченный в черное, буйно усатый горец Мух-хамади Мади, начальник тайной стражи халифа. Потому что по государственному значению вслед за безопасностью гарема следовала безопасность собственной жизни владыки. Он руководил отрядом в три сотни таких же как он горцев, которые даже не знали арабского языка, но готовы были умереть за халифа по единому его слову. Интересно, по какому именно, каждый раз думал во время таких докладов Хуссейн ибн Хуссейн, со свойственным ему насмешливым складом ума, который он конечно же скрывал от других визирей.

Мади успокоил владыку. Горцы стоят на своих постах, никаких посторонних во дворце не было и не могло быть. Он отвечал за обстановку во дворце своей головой и шесть раз за ночь обходил все точки, где представимо было проникновение чужих на дворцовую территорию.

– В Багдаде все спокойно, о величайший.

Мади отвечал за безопасность дворца. За безопасность города спрашивать надо было с Ширли Аббаса, худого, одноглазого перса, который, правда, видел этим одним глазом лучше, чем большинство видит двумя.

– Что скажешь, хитрый Лис?

Аббас коснулся кистью руки мраморного пола, чуть выпрямился.

– Багдад – город большой. Столица мира. Его двенадцать ворот распахнуты весь световой день, кто только ни приходит в Багдад. Одних только караванов более четырех дюжин.

– Поэтому ты махнул рукой и не ищешь злоумышленников в толпе, да?

– Прошу меня простить, величайший.

– Прощаю.

– Сто двадцать водоносов, сто торговцев на малом, на среднем и на великом базаре круглосуточно присматриваются к толпе и заводят разговоры с иноземцами, чтобы определить, нет ли у них некоего умысла. И по два десятка стражников у каждого ворот. Это не считая особых шпионов, шныряющих по городу. Вроде бы никаких следов враждебного присутствия разнюхать не удалось.

Гарун аль Рашид сделал жест, означавший – хватит.

Далее шли доклады армейских начальников и казначея. Слухи о бунте в Медине не подтверждаются. Армянский правитель прислал наконец-то оговоренную дань. Среди присланного восемь очаровательных девушек. С этого места халиф прервал нормальное течение докладов, заставив мераба, распорядителя водных ресурсов страны – и кади – верховного судью, потесниться. При слове «девушки» мысль его плавно вернулась к гарему.

На первый план снова выступил Салах Хан. Он сообщил следующее: под утро пришло известие от одного из шпионов, расположившихся на галереях второго яруса. Он якобы видел какую-то тень в сумраке ночи, проследовавшую со стороны северной внешней стены гарема.

– Почему же твой шпион тогда, ночью, не поднял тревогу?

Салах Хан замялся, ему предстояло сообщить величайшему версию, весьма напоминающую сказку. Он знал, как Гарун аль Рашид не любит такие байки, считая их продукцией незрелых умов. Но утаить эту историю было еще опаснее, можно оказаться в конце концов на той самой перекладине под воротами. Нервно перебирая большие жемчужные четки, визирь

гарема быстро заговорил. Он понимает всю фантастичность этой истории, но не может скрыть от его величества имевший место факт.

– Говори же!

– Подозрительная тень скользнула мимо моего шпиона и нанесла ему сильнейший удар в висок, отчего шпион провалялся до самого утра без памяти.

Очнувшись, он долго мучился, сообщить начальнику караула об этом событии или скрыть его, ввиду полной его невероятности.

– Сколько он пребывал в сомнении?

– Время, которое требуется малым песочным часам, чтобы опустошить верхнюю чашку.

Гарун аль Рашид задумался. Салах Хан понимал, что сейчас решается чья-то судьба, то ли его, то ли всего лишь шпиона. Придворные со смеющимися глазами наблюдали за терзаниями гаремного визиря. Салах Хана ненавидели все. Впрочем, как и друг друга.

– Выпороть и выгнать вон с позором! – вынес свой вердикт халиф.

– Я немедленно отдам необходимые распоряжения.

Халиф хмыкнул.

– Да уж потрудись. И выбери лучшие плети. Ведь сечь будут тебя.

Глава 4

Ходжа Насреддин отвязал своего ишака от высокого кривого карагача, высившегося над небольшим мутным арыком в тени махины халифского дворца и, бросив маленькую серебряную монету мальчишкам, которые играли поблизости и послеживали за ишаком, направился вниз по пологому склону. Дорога вела в скопление разнообразных глинобитных домиков, выстроившихся вдоль причудливо изгибающихся улиц, по которым разбегались многочисленные ручьи. Погода была превосходная, Аллах благоволил к своим верным и дарил им яркое голубое утро, свежесть звенела в воздухе. В разных частях великого города поднимались прозрачные дымы, это чайханщики приступили к своей работе. По улицам уже торопились шеренги водоносов со своими кожаными бурдюками, чтобы наполнить их и успеть в южную, безводную часть Багдада к тому моменту, когда откроются городские ворота, и верблюды со всех сторон великого халифата вступят на территорию рыночных площадей. Дабы они не подняли пыль до неба и требовалась работа водоносов, мастеров увлажнения улиц.

Жара постепенно наваливалась на город, проблеяли муэдзины на отдаленных минаретах. Старики разворачивали свои молитвенные коврики, садились на пятки и кивали головами в сторону Мекки.

Ходжа Насреддин миновал ковровую купеческую улицу, повернул на скобяную, проехал ее на спине своего Симурга до конца и ступил на территорию громадного сенного рынка, за которым начинался не менее громадный овощной рынок.

Всюду толкался народ.

На конце каждой улицы стояла меняльная лавка, в проеме которой сидел большой, толстый бородатый человек – хозяин. Поскольку они очень уж походили друг на друга, Насреддин в шутку поинтересовался у одного из них, а не братья ли все торговцы деньгами здесь, на южном рынке великого Багдада.

– Что? – меняла с трудом понял вопрос, а когда понял, искренне возмутился и заявил, что все здешние менялы разбойники и грабители, конечно по сравнению с ним, благородным и щедрым мастером драгоценных металлов, знатоком их цен и способов движения.

Насреддин весело рассмеялся, у него было превосходное настроение. Одно лишь слегка смущало его, не зря ли он открыл свое имя прекрасной Гульджан. Не удержался! Какое-то мальчишество! Даже если она не проболтается, может каким-нибудь невольным образом себя выдать. Он помнил, какие удивленные у нее были глаза в момент их прощания. Человек, потрясенный до такой степени, вряд ли сможет себя сдерживать, особенно если его подвергнут допросу дворцовые стражники.

Чем ей это грозит?

Остается надеяться, что ее просто удушат.

Да нет, не надо так мрачно. Еще ничего не случилось, и, будем надеяться, что не случится. В конце концов до правителя Багдада не могло не дойти известие о том, что Ходжа Насреддин казнен в Дамаске. Что перевесит, сообщение от правителя Дамаска, или тень сновидения из головы пятнадцатилетней девчонки?

Ходжа Насреддин остановился, хмурясь, хорошее настроение улетучилось. Он продолжал себя урезонивать, мол, не надо умирать прежде смерти. Более того, он ведь не из пустого хвастовства так интересно прорисовался перед перепуганной супругой правителя полумира. Это не дурацкое молодечество только, этот акт имеет высочайшее символическое значение: Гарун аль Рашид, оказывается, не только не правит в величайшей империи под солнцем, но и не может распоряжаться по своему разумению даже в собственном гареме.

Но все же девушку жаль.

Он резко стегнул Симурга прутом, который держал в руке. Ослик удивленно покосился на него.

– Прости, дорогой.

Надо сказать, что Гульджан не проговорила. Но джин подозрительности поселился под крышей величайшего гарема. Специальные доверенные старухи произвели соответствующую проверку всех юных, еще не опробованных жен халифа, и не обнаружив в постели их всех ни капли подозрительной крови, сообщили Бену Али, новому визирю гарема. Он на ухо прошептал Гаруну аль Рашиду несколько слов, но от этого микроскопического движения воздуха зародилась медленная, но неотвратимая буря, что захватила пространство и гарема, и дворца, и всего Багдада.

Он вернулся.

Даже пальцем не прикоснувшись к молоденькой жене Гаруна аль Рашида, воскресший Ходжа Насреддин возмущил спокойствие державы.

«Хватит!» – прикрикнул на себя возмутитель порядка и обычая, и взял себя в руки. Наряду с посещением гарема у него в Багдаде было запланировано и одно интеллектуальное дело.

Симург двинулся сам собой вперед, словно прочитал мысли хозяина. Вообще этот транспортный зверь уже давно пользовался полным доверием хозяина в таких вопросах – где бы нам сегодня перекусить, где бы сегодня переночевать, Симург безошибочно выбирал подходящие харчевни и караван-сарай. Кроме того, это был незаменимый собеседник для странствующего говоруна. Ходжа Насреддин любил поговорить, но не хотел, чтобы его приняли за полоумного, поэтому обращался к ишаку, в знак вопроса поглаживая по голове или пошлепывая по шее. И Симург делал вид, что отвечает. Вот и в этот раз, на вопрос хозяина: «Куда мы направляемся?» – он только мотнул короткой гривой: «Сейчас сам увидишь».

Народу вокруг было полно.

Народ торговал, смотрел на товар, просто шлялся, работал носильщиком, подметальщиком, сидел на берегу арыков, стоял на берегу арыков, ковырялся в зубах после еды или цыкал зубом в ожидании оной.

Симург замер как вкопанный.

– Ах, вот оно что!

Ишак вздохнул: да, мол.

– Не можешь пройти мимо совершающейся несправедливости.

Собеседник кивнул.

– А что может быть несправедливее, чем богатей, избивающий ребенка?

Действительно, дородный жестяник держал за ухо десятилетнего мальчишку и охаживал его хворостинкой.

Мальчишка орал.

Начали собираться зеваки. Сейчас подойдут стражники.

– Уважаемый мастер казана и мангала, не кажется ли вам, что вы неправильно учите своего ученика ремеслу?

– Я сам знаю, как мне следует это делать, – отдувающийся от жары купчина смахнул пот со лба.

– А я бы просил тебя все же умерить свой пыл, как бы тебя не хватил удар на таком солнце.

– Кто ты такой, шайтан тебя побери, иди своей дорогой.

– Я не могу спокойно видеть, как почтенный человек надрывает свое здоровье на солнцепеке из-за какого-то неуча.

Услышав такие речи, богатеи удостоили Насреддина взглядом, но вид его богатею не понравился. Какой-то оборванец, что-то в его облике было несерьезное, эта короткая борода, вальяжная посадка на ишаке...

– Чего тебе надо?

– Я считаю, что всякого человека следует учить тому ремеслу, к которому у него есть склонность.

– Какая такая нужна склонность, чтобы вовремя помыть миски и плошки в арыке?! – сердито спросил жестянщик, которого звали Мурад, или даже железный Мурад, за его стальной, негнувшийся характер.

– Не скажи. Как нас учат мудрецы, если тебе дали вислоухую лошадь, сначала присмотришь, не дали ли тебе арабского скакуна.

– Что ты несешь!

– Я несу просвещение в народные массы, а ты мне мешаешь.

Мурад уже было собрался позвать стражников, ибо ему надоело измывательство этого мелкобородого, да и в толпе стали тихонько похихикивать.

– Давай сделаем так. Мне кажется, этот мальчик был рожден на свет умелым наездником.

– Ты говоришь ерунду. Он рожден в саманном развале в нищете и грязи, и его дело мыть плошки и миски.

Насреддин спрыгнул с ишака.

– К счастью, здесь мой Симург, он нам поможет.

– Как нам поможет твой ишак?

– Ты, судя по всему, был рожден для того, чтобы торговать казанами и мангалами.

– Почему бы и нет, клянусь Аллахом! – Громко и вызывающе сказал Мурад.

– Но в тебе нет и искорки от лихого всадника.

– Да за каким шайтаном мне нужна эта искорка?!

– Забирайся на моего Симурга и попробуй его сдвинуть с места. Я буду тебе помогать.

– Мальчишка убежит.

– А ты продолжай держать его за ухо.

Не без труда проделал описанную Насреддином операцию толстяк Мурад.

– Теперь ткни его пятками и езжай, – сказал Насреддин.

Мурад так и сделал, но ишак остался стоять на месте. И второй раз ткнул, и пятый – ничего. Ходжа Насреддин уперся в зад ишака, пытаясь, и весьма старательно, помочь жестянщику, – ничего.

– А теперь на него сядет мальчик, отпусти ушко, как он от тебя убежит? Давай, малыш, – сказал Насреддин.

И Симург припустил во всю прыть. Мурад кинулся было вслед за ним, но куда ему было с его полнотой поспеть за резвым ишачком.

– Где он?! – В ярости обернулся Мурад, но Насреддин уже растворился в хохочущей толпе.

Когда собравшиеся расходились от лавки жестянщика, кто-то произнес про себя, почти неслышно для окружающих, что случившаяся история сделала бы честь самому Ходже Насреддину, если бы только месяц назад его не казнили в Дамаске.

«Насреддин, Насреддин» – почти неощутимо зашелестело в толпе, и к вечеру того же дня уже весь Багдад знал: «Он вернулся!!!»

У каждого погонщика, у каждого каменотеса, у каждого водоноса появилась надежда, что в мире есть сила, которая встанет на его сторону в трудную минуту. А купцы и менялы удвоили охрану своих лавок, небезосновательно опасаясь, что появление погибшего обманщика не пойдет на пользу их торговле.

Конечно, все ожидания были преувеличены, и положительные, и отрицательные, Ходжа Насреддин был один и не мог оказаться сразу в нескольких местах Багдада, уж не говоря о том, чтобы проделать то же самое на территории других государств и городов, но «благая весть» выскользнула за ворота великого города и отправилась по караванным тропам к стенам других поселений, по тем же самым тропам, по которым недавно еще струился отравленный слух о том, что Ходжа Насреддин казнен.

То есть в тот момент, когда Симург подбежал к восточным воротам и остановился, поджидая хозяина, веселая новость уже давно покинула территорию столицы Гаруна аль Рашида.

– Ну, парень, как тебя зовут? – появился хозяин ишака и положил крепкую руку на плечо мальчика.

– Омар.

– У тебя есть родители?

– Они умерли от голода в кишлаке, там, – мальчик показал куда-то на север.

– Есть какие-нибудь родственники?

– Я не знаю.

– Ладно, поедem со мной.

– Куда?

– К одному хорошему человеку.

– Он не будет меня таскать за ухо?

– Ручаюсь, что не будет. Но перед дорогой нам надо перекусить. Мой друг отшельник, и живет не в Багдаде. Зайдем в харчевню.

Они выбрали одну из невзрачных забегаловок, что мостилась на пяточке в излучине ручья под фисташковыми деревьями, уже начавшими расцветать над мутноватыми желтыми водами небыстрого потока.

Симург сам встал к коновязи, привязанные кони и ишаки потеснились, и Симург пробрался к яслям. Насреддин и Омар вошли в дымное чадное помещение и устроились у стены, засаленной многочисленными спинами предыдущих едоков. Тут же получили по миске бараньей похлебки с луком и одну лепешку на двоих. Ели, предпочитая помалкивать и прислушиваться к разговорам вокруг. Омар брал пример со своего старшего товарища.

Разговор шел, естественно, о происшествии возле лавки жестянщика, которая чудесным образом превратилась в лавку богатого менялы, прут назывался теперь плетью, а сама история выглядела так, словно волшебник Ходжа Насреддин приехал к лавке менялы на вислоухой кобыле, а ускакал от одураченного менялы на арабском скакуне, за которым гналась целая дюжина стражников.

– А ишак? – возмущенно спросил слушатель. – Насреддин всегда на ишаке.

Рассказчик тут же нашелся: мол, известный ишак Насреддина находился у коновала, где ему вправляли челюсть. В обмен на него Ходжа и получил ту самую кобылу. Сейчас все в порядке, Насреддин снова на ишаке.

Омар прыснул в миску и подозрительно посмотрел на сотрапезника. Тот понял, о чем его хочет спросить мальчик, и приложил блестящий от жира палец к губам: ни звука!

Глава 5

Халиф собрал малый диван в изумрудном зале. Ему нужно было посоветоваться, хотя окончательное решение он уже принял. Опытные советники во главе с великим визирем Хуссейном ибн Хуссейном прекрасно знали об этой особенности правителя, но ни единым жестом не давали это почувствовать, играли в царедворческую игру абсолютно всерьез. Солидно расселись на предложенные подушки полукругом к невысокому возвышению, на котором располагался сам Гарун аль Рашид.

Сменилась дежурная стража, стоявшая на почтительном расстоянии и тихо постукивая древками копий и шаркая каблуками.

Удалились опахальщики, здесь был государственный интерес, можно было бы, конечно, им просто проколоть барабанные перепонки, но халиф Багдада славился гуманизмом среди своих подданных и не хотел портить своей репутации.

Было так тихо, что можно было слышать звук камешков в четках, которые перебирали напряженные сановники.

– Итак, – проговорил халиф, и головы присутствующих повернулись к нему. – Он вернулся.

Никто не посмел сказать ничего в знак согласия, но еще меньше мог бы позволить какое-то несогласие.

– Хуссейн ибн Хуссейн, – начал Гарун аль Рашид опрос своих сановников. Они говорили по очереди, но никакой ясности не наступало. Никто ничего не видел толком, только какие-то тени, был еще расшибленный лоб стражника и непонятная история с превращением паршивой лошади в гордого скакуна на базаре.

– Но почему все решили, что это... – правителю полумира было решительно противно произносить это имя вслух.

И тут старый философ и богослов Ибрагим Рагим решился взять слово. Он был, действительно, так стар, что многие из собравшихся думали, что ему нечего бояться.

– Народ глуп, – глубокомысленно заявил он, – он всегда мечтает о чем-нибудь таком-этаком.

– Пусть народ глуп, – явно не соглашающимся тоном сказал халиф, – но началось все не с него. Глупая идея явилась из дворца, из моего гарема.

Ибрагим Рагим поднял трясущиеся то ли от страха, то ли от старости руки в знак панического согласия.

– Что мои жены?

Новый визирь гарема, поставленный на место Салах Хана, приблизил сложенные руки к груди. Он вчера утром был приведен в физическое соответствие со своей должностью – сделан евнухом – поэтому обнаруживал в своем лице явную бледность.

– Их луноликие...

– Говори дело!

– Я опросил всех сам, опросил всех старух и всех евнухов, ничего, кроме слухов и теней.

Гарун аль Рашид посмотрел на раиса Багдада Ахмед Хана, тот поспешил сказать что-то в том же роде, одна история с конем, превратившимся из вислоухой лошади, стражники не успели на место преступления, жестянщик...

– Меняла, доложили мне, – перебил халиф.

– О, великий, именно меняла, говорит что-то несусветное, путает следствие, утверждает что-то о мальчике, сбежавшем от него на ишаке.

– Ишаке?!

– Да, великий.

Гарун аль Рашид задумался. Думал он долго, спины сановников устали, души их тряслись, нелепый загадочный случай оставался все таким же нелепым и загадочным, сколько они о нем ни размышляли.

Наконец халиф приоткрыл глаза.

Сейчас скажет, – напрягся диван.

– Он здесь, – сказал Гарун аль Рашид.

Сановники закрыли глаза и начали молиться, шумно перебирая четки.

– Он побывал в моем гареме, и ни стены, ни стража, ни евнухи, ни старухи не смогли его остановить.

Всем присутствующим было интересно знать, что можно сделать в таком положении на месте властителя полумира для сохранения своей чести.

– Я отказываюсь от этого гарема. Мне нужен другой гарем.

Все вздохнули с облегчением. С таким же успехом слывающий гуманистом халиф мог велеть отрубить всему дивану головы и выставить их на пиках вокруг гарема.

– Выпороть и выгнать? – спросил недавно оскопленный визирь.

– Нет, зачем же. Разослать. Тайно. В совершенной тайне и скрытности всех моих жен по гаремам ханов и беков моего халифата, и наказать им хранить их как зеницу ока.

Поднялся вал славословий – боже, какой мудрец, приближающийся остротой ума к самому пророку Мухаммеду, изобретательнейший и предусмотрительнейший халиф нашего сердца и разума, и так далее.

Глава 6

Покинуть Багдад тоже было не так уж просто. Речь тут не о бдительности стражей. Лучшая из бдительностей – жадность. Два позевывавших стражника, опиравшиеся на копыя в проеме Северных ворот, казалось, не представляли собой непреодолимой стены. Но Насреддин хорошо различил босые ноги их соратников по ремеслу, торчавшие из тенька, создаваемого воротной створкой. Если попытаться проскочить на скорости этот пост, они тут же кинутся вдогонку, возбуждаемые мыслью, что злоумышленник увозит в своем поясе какие-то несметные дары, которые он решил скрыть от досмотра.

Стало быть, больших надежд на резвость Симурга возлагать не стоило, тем более, что у него сегодня было два седока. Да, Симург не выдержит двоих.

Что в таком случае остается? Ждать. Чего? Подходящего события, которое отвлечет внимание стражников.

Насреддин и Омар перешли из харчевни в чайхану, устроились на берегу арыка, овеваемые более-менее свежим ветерком, и спросили большой чайник и две пиалы.

Омар по просьбе старшего друга стал рассказывать историю своей короткой жизни, которая оказалась отнюдь не короткой. Насреддин мысленно отметил, что мальчик претерпел ничуть не меньше, чем он сам, Насреддин, в свое время. Конечно, он попытается пристроить мальчика к хорошим людям, потому что ведь недостаточно спасти ребенка от порки, нужно найти того, кто его накормит и воспитает.

Они пили уже второй маленький чайник, когда спящие стражники зашевелились, просыпаясь. А в проеме ворот показались передовые верблюды очередного запыленного каравана. Первыми, еще раньше стражников, его окружили местные собаки и победоносно бежали вокруг головного дромадера почетным эскортом.

Стражники, зевая и подтягивали штаны, разбирали копыя, прислоненные к городской стене, и выходили навстречу торговым гостям.

– Пошли, – сказал Насреддин мальчику.

Симург все понял без лишних слов и высвободился из толпы гужевых соседей, где у него, кажется, начались какие-то амурные дела. Но дело требовало – вперед!

Прибытие каравана – дело шумное и красочное. Усталым верблюдам таможенные бандиты для вида подставляют к мордам верблюдов кожаные ведра с водой – акт традиционного гостеприимства, а потом напускаются на тюки с товарами со всей возможной жадностью.

Кричат возмущенные погонщики.

Лают собаки.

Водитель каравана ругается с начальником стражи.

Данный конкретный караван прибыл с хорошей охраной, которая встала на защиту привезенного товара, и стражники получили профессиональный отпор, отчего пришли в возмущение и побежали жаловаться начальству, демонстрируя разбитые носы и поломанные копыя.

В это момент Симург, прошмыгнув между жаркой и пыльной стеной верблюдов, тихонько завернул за угол в заросли сухих акаций. Некоторое время ишак двигался в редкой тени еще не расцветших деревьев, а Насреддин размышлял над тем, что это за злые караванщики прибыли только что в Багдад.

Когда стены великого города остались далеко позади и можно было не опасаться погонь, Насреддин слез со спины Симурга, оставив там одного лишь мальчика.

Навстречу им шли многочисленные направляющиеся в город люди. Дехкане, мелкие торговцы со своим товаром, переносчики хвороста, добытого в окружающих рощах. Поскольку жители и гости Багдада были народом общительным, они охотно высказывали свое мнение обо всех встречаемых. Мол, что это за картина, ишак везет ребенка, а его отец шагает своими ногами.

– Давай поменяемся! – сказал Насреддин Омару.

Уже через пару минут пошли замечания противоположного рода. Что это за безобразие, здоровый мужчина катится на спине ишака, а ребенок тащится в пыли.

– Залазь ко мне, – предложил Омар. Симург, вздохнув, принял новый груз и молча двинулся дальше. Теперь встречные начали жалеть ишака – как ему, должно быть, тяжело везли на спине целую семью из двух жестокосердных людей.

– Стой, Симург! – скомандовал Насреддин, покидая спину ишака. Потом встал на четвереньки и забрался под живот Симурга.

– Что ты делаешь?! – удивился первый же встречный.

– Вот стараюсь сделать так, чтобы удовлетворить всех. Понесу ишака и мальчика на спине.

Встречные путники развеселились.

К концу дня веселая троица добралась к кишлаку Кышпыш, что мостился у подножия горы Арум. Глинобитные строения несколькими ярусами поднимались над обработанными полями и расцветающими садами. Небольшие садики наполняли и глинобитные же дворы. Над крышами курились кое-где прозрачные дымы, что говорило – хозяева начали готовить ужин. Солнце стояло еще высоко, и Насреддин хорошо различил большой двухэтажный дом, опоясанный тенистой галереей. Это было жилище местного бека по имени Арслан. Насреддин уже бывал здесь лет восемь назад, когда навещал своего учителя и старинного друга Бадруддина ибн Кулара. Почему после окончания своего караванного поприща Бадруддин выбрал именно этот ничем не примечательный кишлак, было понятно. Его утомили большие города, большие базары, суэта и беготня. Он мечтал об уединении, молитва и размышление стали его ежедневным занятием. Он собрал вокруг себя свою немаленькую семью, ранее разбросанную по разным концам великих караванных троп, построил дом на краю Кышпыша в сливовой роще, и зажил жизнью патриарха и праведника. Все было ничего до той поры, пока не явился в кишлаке тот самый Арслан бек. Пользуясь столичными связями, он наложил свою лапу на большинство арбузных и ячменных полей, фисташковых и персиковых рощ, подчинил себе всю торговлю с большим Багдадом.

Бадруддин ибн Кулар старался не вступать ни в какие отношения с новым хозяином кишлака, но не знал, что ему делать с нарастающим стоном простых дехкан, которые шли к праведнику – а вокруг него уже появилась подобная репутация – в надежде, что он своим авторитетом обуздает аппетиты Арслан бека. Много раз говорил праведник, что он удалился от дел, и суэта окружающего мира не влечет его. Он возделывает свой сад и свои поля своими руками и руками своих детей и внуков, и старается не вникать в отношения между сельчанами, для чего надо было бы встать на чью-то сторону, а он положил себе держаться только стороны Аллаха.

Что-то подсказывало старику, что его позиция морально хромает, и слезы разоренных семей не могут не стучаться в его сердце, и он частенько помогал самым несчастным сельчанам деньгами, что брал из небольшого состояния, скопленного за годы караванных странствий.

Арслан бек положил себе извести праведника, потому что чувствовал его авторитет, и слишком даже ощущал его присутствие в кишлаке, даже тогда, когда старик старался не попадаться ему на глаза. Бадруддин избегал встреч с Арслан беком. Шел на местный базарчик только когда внуки сообщали ему, что хозяин кишлака уже побывал там. Посещал чайхану у большого карагача, когда было известно, что Арслан бек велел накрыть себе лучшую комнату в главной деревенской харчевне на маленькой площади у мечети.

Насреддин прибыл в Кышпыш примерно через месяц после того, как Арслан бек нанес Бадруддину ибн Кулару очень сильный удар, что заставило праведника замкнуться в себе и впасть в великую тоску. По наводке бека прибыл в Кышпыш отряд всадников из багдадского гарема самого халифа. Была там такая служба, которая вечно, не зная ни дня ни ночи, сле-

дила за тем, чтобы ряды гарема пополнялись красивейшими девушками халифата. Действовала эта служба тайно, обладала огромными полномочиями и неисчерпаемыми средствами, хотя и предпочитала их не тратить.

Прибыл евнух Векиль, главный ценитель женской красоты в Багдаде, остановился в доме Арслан бека и тут же потребовал внучку Бадруддина для осмотра.

Не подчиниться – это немыслимо.

Подчиниться – тоже немыслимо.

Бадруддин ибн Кулар слишком хорошо знал технологию гаремного дела, был случай изучить эти нравы, и он считал, что судьба Гульджан будет навсегда погублена, если она свяжется с гаремом, домом разврата и скорби.

В конце концов девочку, четырнадцатилетнюю Гульджан (надо ли говорить, что красавицу с медовыми глазами и тополиным станом) повел на страшную встречу ее отец, сын старика, Хашим.

Оставалась еще надежда, что Векиль ее забракуют, это было бы обидно, но не смертельно. Но Векиль подтвердил свою репутацию, и велел тут же своему отряду вместе с Гульджан отправляться в Багдад. Правда, халиф находится на львиной охоте, но, когда вернется, его ждет огромная радость. А его расторопного слугу – щедрый подарок.

Одним словом, когда Насреддин с Омаром и Симургом вошел во двор дома Бадруддина ибн Кулара, он не услышал там веселых голосов, народу было много, и народ был мрачен как на похоронах. Кто-то выбивал вытертый ковер, кто-то перебирал чечевицу для похлебки. Все обернулись. Гость сразу узнал Хашима, хотя тот и весьма изменился за восемь лет. Хашим тоже его узнал. Сделал знак женщинам – это дорогой гость. Они прошли в дом, в полутемную комнату, где лежал на спине Бадруддин ибн Кулар.

Насреддин еще не успел ничего сказать, как старик прошептал, не открывая глаз:

– Ты пришел.

– Я пришел.

Больше старик не сказал ни слова. Рассказывал Хашим. Когда рассказ дошел до имени похищенной внучки, Насреддин схватил его за руку.

– Ты сказал Гульджан?

– Да.

– Опиши ее.

Отец стал медленно, с трудом подбирая слова, рассказывать о внешности своей дочери. Насреддин кивал. Потом прервал рассказчика.

– Я понял. Самая красивая.

– Когда все это произошло?

– Меньше недели назад.

– Кажется, я явился вовремя.

– О чем ты говоришь?

Хашим не стал переспрашивать, гость частенько выражался загадками, и все, кто с ним был знаком, давно к этому привыкли.

Сам Насреддин же удивлялся тому, что он среди десятка новых жен Гаруна аль Рашида выбрал во время тайного своего визита именно внучку своего старинного друга. Она и в самом деле была красивее всех других девушек.

Несомненно, его вела высшая сила.

Насреддин сказал, что завтра же отправляется обратно в Багдад.

Хашим только кивнул.

– Мы только поужинаем и сразу ляжем спать. Распорядись, чтобы дали корма моему ишаку.

– Как его зовут?

- Симург.
- Того, прежнего, звали так же.
- Всех моих ишаков зовут Симург.

Хашим хотел выйти, но Насреддин его остановил, порылся в поясе, извлек небольшой потертый кошелек.

- Здесь двадцать динаров и немножко дирхамов.
- Спасибо.

– Когда я вернусь, то займусь этим вашим Арслан беком. Сейчас всего важнее Гульджан. Омар останется у вас.

Хашим кивнул.

Глава 7

Дворец стоял на ухах. Что творилось в гареме, вообще не поддается описанию. В последний момент Гарун аль Рашид решил, что старые его жены, и в особенности те, кто подарил ему сыновей, будут освобождены от насильственной высылки за пределы города. Не потому, что их жалко, а потому, что такая грандиозная процедура просто обескровит центральную власть халифата. Каждая из жен, поскольку ее вина никак не может быть доказана, отправляется в изгнание в сопровождении соответствующего эскорта из нескольких старух, евнухов и стражников, иначе невозможно обеспечить их безопасность и безопасность их невинности, что, безусловно, важно для халифа.

Разъезжалось и большинство попугаев, пустели конюшни, не хватало подходящих повозок, и совсем уж трудно было с деньгами. Девяносто девять молодых жен правителя, поступивших во дворец за последний год, нуждались хотя бы в десятке золотых динаров на время путешествия. А пункты предполагались самые отдаленные и труднодоступные. Каир, Исфahan, Казвин, Медина. Ученые улемы из ведомства Ибрагима Рагима трудились над сопроводительными письмами, потому что послания эти должны были быть однозначно понятны адресатам и, вместе с тем, не должны были раскрывать истинной причины поступка халифа.

Сам Гарун аль Рашид был мрачнее тучи. Носился по окружающей Багдад пустынной степи и истреблял ни в чем не повинных львов.

Сопровождали его Мухамади Мади и, как ни странно, особо посвященный евнух Векиль. Он трясся вслед за царской охотой, оседлавшей целый табун породистых арабских лошадей и поднимавшей целое облако пыли, в особой повозке, запряженной парой резвых мулов, но все же не настолько резвых, чтобы гоняться наперегонки с охотничьей конницей. Зачем ему нужен был евнух? Для совета. Он должен был на пергаменте зафиксировать, в какие города отправлена та или иная жена. Все же халиф предполагал и надеялся, что рано или поздно загадка ночного покушения на его гарем будет раскрыта, злоумышленник казнен, а невинные жены прощены.

Все же среди них есть и подлинные красавицы, цветы из райского сада Аллаха.

Наконец ярость верховного правителя улеглась, что дорого стоило львиному племени.

Гарун аль Рашид направился в город, размышляя над тем, что ему делать раньше.

Хуссейн ибн Хуссейн хоть немного успокоился, потому что международные дела халифата были в совершеннейшем загоне, а вопросы войны и мира были целиком и неотъемлемо в ведении халифа. Верховный визирь уже устал сообщать всевозможным посланникам, среди которых были и люди исфаханского шахиншаха, и ромейского императора, что посланник неба на земле Гарун аль Рашид имеет удовольствие проводить время на охоте. Нехорошо, если эти господа подумают, что верховный правитель ослабил хватку и пустил дела на самотек. Шпионами пропитан весь Багдад. И кроме ромеев и персов у верховного правителя полно других врагов: и армяне в северных предгорьях, и индусы за каменистыми пустынями пуштунов, и засевшие в Мекке вечные заговорщики арабского мира.

Но возвращение халифа принесло не облегчение Хуссейну ибн Хуссейну, худому желчному старику, вечно трясущемуся за свою безопасность, а новые хлопоты.

Что задумал верховный правитель?

Опять это свое невообразимое путешествие.

Он решил снова сходить в ночной Багдад. Анонимно, под видом странствующего дервиша, чтобы из уст самих багдадцев узнать, что они думают о нем. И это притом, что большинство стражников в разгоне. Как обеспечить верховную безопасность на ночных улицах этого переполненного ворами и убийцами города, столь населенного и смутного, вечно недовольного, как и положено столице из столиц.

Глава 8

Насреддин проник на территорию Багдада все через те же северные ворота – помог зеленщику, направлявшемуся на рынок, подвезти партию свежего салата, за что тот был весьма благодарен и даже подкармливал Симурга по дороге. Унылые пыльные стражники без всякого азарта ознакомились с содержимым груза, что перевозил Симург. Да и внешний вид сопровождающих не намекал на то, что тут будет чем поживиться. Насреддин никогда не следовал в своей жизни поговорке, что, мол, встречают по одежке, а зеленщик так и вообще не имел средств на более дорогой халат, чем тот, в котором прибыл в Багдад в базарный день.

Раздосадованный стражник пнул дырявым сапогом ни в чем не виноватого Симурга в область хвоста с криком:

– Проезжай!

Симургу это не понравилось, но он благоразумно никак не отреагировал, просто запомнил обидчика.

У поворота к базару спутники расстались. Ишак получил свой последний пучок зелени. Насреддин забрался в седло и отправился в сторону дворца. На почтительном расстоянии от высоченных резных порталов, которыми венчались въездные ворота, он остановился. Здесь тоже был базар, но вещевой, торговали котлами, кумганами, чашами, ор стоял соответствующий. Но Насреддин не столько прислушивался, сколько присматривался, стараясь по базарной толпе определить, чем сегодня болен Багдад. Симург искусно лавировал между скоплениями орущих и жестикулирующих людей, уворачивался от стражников, которых было больше, чем обычно, но не чрезвычайно много, и все время краем глаза держал во внимании дворцовые ворота. Они открывались за время его путешествия до мечети Набир Хабиз три раза. Что это значило?

Кто его знает.

Муэдзин выскочил на минарет.

Все мусульмане, кроме многочисленных иноземцев, бросились на колени в пыль и начали кланяться далекой Мекке.

Насреддин счел за лучшее слезть с ишака и присесть на камень у колодца, возле которого водоносы забыли свои кожаные ведра.

В общем, подобным образом Насреддин провел весь день. Дворец халифа представлял собой неправильный восьмиугольник, в трех местах к нему подходили довольно густые садовые насаждения, вокруг него петляли арыки. Конный рынок почти соприкасался с его стеной на юге, а работорговый – на юго-востоке.

К концу дня, расстроенный тем, что ничего существенного не удалось рассмотреть, Насреддин пошел с Симургом обедать.

Кусок не лез в горло.

Все было, как всегда.

Вместе с тем, чутье подсказывало хозяину ишака, что в городе произошли-таки важные изменения.

Подслушивал разговоры в харчевне, но узнал из них немного: Гарун аль Рашид затевает в полнейшей тайне выход ночью за городские ворота.

Об этом знали все.

Когда именно?

Тут мнения расходились.

Завтра, или через неделю.

– Можно поздравить красавца Мади с тем, как у него поставлена служба. Весь город в курсе, что халиф собирается навестить ночные базары.

Насреддин прилег в тени, чтобы вздремнуть, слишком рано ему пришлось встать сегодня утром. Багдадский базар своим шумом, как океан, оведал его. Симург что-то шептал себе под нос и дергал шкурой, отгоняя жирных базарных мух. И вдруг какая-то нота проклюнулась в слитном гуле голосов.

Насреддин резко сел.

– Ты слышишь, Симург?!

Ишак прислушался.

– Это он, – прошептал Насреддин, – сельджукский говор.

Осторожно, почти на цыпочках отправился Ходжа по ниточке слишком хорошо ему знакомого с детства голоса.

Шел медленно, часто поглядывая по сторонам.

Жизнь продолжала кипеть, не обращая внимания, кто на каком говоре шумит на рыночной площади.

Насреддин подошел к городскому фонтану, попил из трубы, ополоснул голую голову, вновь натянул на нее тубетейку.

Жарко!

Вот уже и конец конской площадки. Насреддин остановился перед кривым переулком, уходившим в сторону от дворца. Здесь были только редкие пешеходы и носильщики.

Куда делись сельджуки? И не привиделось ли ему, что тут говорят на этом языке? Он давно уж не забирался в своих странствиях на эту часть карты. Пустынные, жестокие охотники редко попадались ему на пути. Но не значит же это, что он сейчас грубо обманулся. Скорее – другое. Сельджуки скрываются. Переоделись, и предпочитают изъясняться по-арабски.

Насреддин вернулся к фонтану, опять ополоснул голову. Ему не нравилось, когда не все в наблюдаемой ситуации было ему понятно. Враждебные престолу его халифского величества конные бандиты, недавно проигравшие ему войну, обуреваемые жаждой мести, подвизаются где-то в окрестностях халифского дворца. Скрываясь при этом под чужой одеждой, это ли не опасно!

Симург выразительно зевнул: то ли просил напоить его, то ли таким образом участвовал в разговоре.

– Что ты хочешь сказать? Что нам нельзя уезжать из Багдада? Конечно нельзя, мы еще не выяснили, как дела у Гульджан.

Неприятные предчувствия клубились под ложечкой у Насреддина, но он все-таки поужинал, несмотря на то, что его желудок вроде как протестовал. Надо будет сегодня ночью проникнуть в гарем, только не так грубо, как сделал он это в прошлый раз, вызвав переполох в страже. Кто мог знать, что эта ослепительно юная девушка – внучка самого Бадруддина ибн Кулара!

С наступлением темноты Насреддин незаметно углубился в плотный сумрак на северо-востоке дворца. Симурга пришлось оставить у алычи, нависшей над потоком. Луна играла своими ослепительными боками на бурунах несущегося арыка, молодая листва шелестела, темные ночные птицы перекликались в саду гарема, стена которого высилась, заслоняя собой звездчатое небесное покрывало.

Насреддин прислушивался, и ему не нравилось состояние атмосферы в прилегающем к гарему саду. Ладно бы только обожравшиеся на вечерней трапезе стражники испускали звуки тяжкого рыгания, перекликались темные тени, кто-то шумно форсировал опоясывающий дворец поток. Неприятно активная жизнь наполняла заросли. Далеко не все было, как всегда. Особенным чем-то отдавал ночной воздух.

Нет, дальше идти опасно.

Пахло железом и потом – стражники Махаммада Шади.

Пахло свежими хлопковыми одеждами – юные шпионки Ширли Аббаса.

Закричал муэдзин, и, пользуясь этим звуковым прикрытием, Насреддин кинулся вон из зарослей. Сегодня Гульджан была недоступна.

Отвязал Симурга и направился к заснувшему, но никогда не спящему базару. К тому самому, из-под прикрытия которого можно было видеть главные ворота дворца. И тут его сподобило посмотреть на темные стены дворцовой крепости, высокие, не освещенные лунным светом.

Что это за канаты?

Через зубцы цитадели были переброшены две летающие ладьи, в которых, скорчившись, сидели невидимые, одетые в черное люди. Раздался тихий скрип веревок, и ладьи эти быстро опустились вдоль стен и канули во тьме. Что это значило? Кто-то тайно покинул дворец, не желая, чтобы кто-нибудь видел это. Люди эти были в каких-нибудь двадцати метрах от Насреддина. Он живо и мягко спрыгнул с ишака и развалился в траве. Теперь если его даже застанут эти в черном, подумают, что какой-то бездомный ночует под деревьями.

Так и вышло – вереница теней проследовала через заросли к базару, похрустывая сухими ветками.

Насреддин руку бы дал на отсечение, что среди них скрывается сам Гарун аль Рашид, повелитель полумира. Давно в городе ходили слухи о его ночных походах, и прошло всего несколько дней с той поры, когда он последний раз делал это. Конечно, было бы любопытно подслушать, о чем халиф будет говорить с горожанами в какой-нибудь чайхане, но идти за этой группой сейчас опасно, еще примут за шпиона.

Насреддин остался бы лежать в прохладной мягкой травке, и тем бы завершил ночь, если бы не явившаяся внезапно мысль о выловленном из толпы сельджукском разговоре.

Не-е-ет, кажется, рано ему располагаться на ночлег.

– Симург, подожди меня здесь. – шепнул он на ухо своему другу, а сам вприсядку, хоронясь за кустами, последовал за тихим шумом группы людей, пробирающихся сквозь ночные заросли.

Вот и конец им.

Насреддин снова лег, при этом отлично видя – группа одетых в черное и явно вооруженных кинжалами резко рассредоточилась. Люди Мади, конечно, не могли допустить, чтобы повелитель полумира хоть самое краткое время оставался без охраны. Они были недалеко, но их было не видно. На виду осталась только высокая, задрапированная в какие-то лохмотья фигура. Надо думать, сам халиф. Он осмотрелся, не видит ли его кто-нибудь, и направился в сторону попритихшего к ночи базара. Надо ли говорить, что базар в Багдаде, как и гарем во дворце, никогда не спал.

Вон там горит масляный светильник, там играют в кости. Правее шумное какое-то сборище под широким навесом – петушинные бои. А это что за прикрытый черными шальями вход? Тут можно незадорого купить себе на ночь девочку.

Халиф продолжал осматриваться, не привлекает ли он к себе нездорового внимания. Кажется, нет. Сопровождающие тени профессионально скользили шагах в двадцати справа и слева.

Можно было сказать, халиф влился в ночную жизнь базара.

Насреддин ни на секунду не терял его из вида, при этом успевая осматриваться, сам он не привлекает ли чьего-нибудь нездорового внимания.

Халиф не заинтересовался ни костями, ни девушками, уж куда при таком гареме. Остановился у двухосной повозки, изнутри совещенной свечою так, что находившиеся внутри люди напоминали при каждом движении тени.

Что его заинтересовало?

Ага, здесь жуют кхат.

Гарун аль Рашид двинулся дальше.

Остановился у простого костра, вокруг которого сидело несколько дехкан, явно пришедших в Багдад на заработки из своих разорившихся кишлаков. Над костром висел небольшой казан, в нем кипела похлебка. Было видно, что Гарун аль Рашид что-то говорит дехканам, они смотрят на него, потом охотно теснятся, чтобы дать пришедшему место. Простой люд всегда так устроен, даст возможность сесть к костру, даже если его ужин не слишком богат. На том расстоянии, на котором находился Насреддин, трудно было что-то расслышать. Ходжа стал прокрадываться по площади, занятой повозками, шатрами, другими кострищами, стараясь никому не наступить на живот, не вызвать чьего-нибудь неудовольствия. Другими словами, пробирался медленно, за это время разговор неузнанного халифа с дехканами продолжался уже довольно долго, и вот когда слова стали более-менее понятны, дехкане вдруг поднялись с мест и схватили Гаруна аль Рашида за руки, крича «караул!»

Что там у них произошло, было не очень понятно. К ним кинулось несколько человек от соседней арбы, и еще кто-то появился из темноты, наступило смешение голосов, о чем они там все говорили, было непонятно.

Насреддин поймал себя на странной мысли, что сейчас правитель полумира ощутит на своей шкуре любовь народа к себе, наверняка ведь он, чтобы разговорить простых людей, завел речь о несправедливостях, царящих в государстве. Баи жируют, дехкане голодают, менялы «плавают в плове», как говорят в Багдаде, а носильщики довольствуются на ужин сухой лепешкой. Но когда он дошел до того, что возвысил голос против самого Гаруна аль Рашида, тут на него и посыпались тумачи.

Хихикая, Насреддин наблюдал за развитием сцены, но долго ему этого делать не пришлось, из окружающей костер темноты сгустилось несколько деловитых фигур, они получили нарушителя спокойствия с рук на руки и уверили бдительных крестьян, что этому ночному провокатору просто так все не сойдет.

Возбужденные справедливым гневом дехкане и горожане еще долго обсуждали только что случившееся событие. Хорошо, что всегда где-то поблизости ночная халифская стража, которая не даст злокозненному болтуну уйти от законного возмездия.

Гарун аль Рашид посредством нескольких синяков и вывернутых рук понял, что любовь к нему его подданных по-прежнему неизменна и сильна. Люди Мади уносили халифа, как на крыльях ночи, вон с базара в сторону кривых переулков, что окружали южную часть дворца.

Повелитель полумира велел опустить себя на землю, а верных слуг удалиться. Он еще не закончил исследование, требовались ему и еще какие-то доказательства. Слуги скрылись за поворотами дувалов, в репейниках, что подобно меховой оторочке подбивали рукава переулка.

При себе Гарун аль Рашид оставил одного, как будто два приятеля путешествуют по ночному городу.

Насреддин наблюдал за всеми этими действиями с расстояния метров в сорок.

Прихрамывающий халиф – видно, и бока ему изрядно намяли у костра, двинулся со своим спутником по переулку, словно специально великолепно освещенному заходящей луной.

Один поворот, другой. Несколько встречных пьяноватых прохожих, шумно что-то говорящих себе под нос. Стражники крались по параллельным улицам и вообще принуждены были изрядно отстать, держась почти на одном уровне с Насреддином.

Слева высилась высокая громада дворцовой стены.

Где-то лаяли собаки.

Хлопнула дверь. Выбежавшая девчонка выплеснула в арык помои.

Да, пусть владыка полумира почувствует на себе, как живут его подданные, умудряясь при этом так его любить, если разобраться, вообще непонятно за что.

Переулок повернул влево почти под прямым углом, отчего лунное освещение наполовину прекратилось. Тени перерезали движущиеся по переулку фигуры пополам.

Зашевелился голос муэдзина на невысоком минарете. По ночному времени глас Господа работал вполсилы.

И тут, неожиданно, необъяснимо, как будто отделившись от дувалов, переулочек наполнился людьми.

Вооруженными людьми.

Это были не дехкане.

И даже не горожане.

Насреддин замер.

Стражники кинулись вперед, тоже вытаскивая из ножен кинжалы и сабли. Произошло столкновение тех, кто охранял халифа, с теми, кто явно хотел причинить ему вред.

Зазвенела сталь.

Насреддин тоже кинулся вперед, но сдержал себя, присел за кустом репейника, наблюдая за тем, что происходит.

В охрану халифа входили только несомненные мастера боевого дела, нападавшие тоже были не промах в смысле поразмахивать саблями. Через несколько секунд все оказались заняты друг другом.

Насреддин, двигаясь вдоль неосвещенной стены, приседая, иногда припадая на живот, приближался к месту столкновения, происходившему, надо сказать, без лишних воплей.

Картина боя определилась.

Нападавших было несколько больше, чем защитников, и от этих нападавших отделилось трое, они кинулись к халифу и Мади, это был он. Начальник стражи стоял с уже обнаженным боевым оружием, угрожающе им вращая. Уповая на свое численное превосходство, нападавшие кинулись на него, заслоняющего собой халифа.

Мади был большой умелец своего дела, он довольно спокойно удерживал на дистанции всех троих нападавших. Халиф имел бы возможность сбежать, если бы не глухой дувал у него за спиной.

Ловушка!

Повелитель полумира крутил головой, ища пути спасения, да и куда ему было бежать в этом диком месте.

Насреддин, как ящерица, сделал последние несколько бросков вокруг неосвещенной стены и оказался рядом с халифом.

Схватил его за рукав.

– Иди за мной.

То ли обстановка слишком накаливалась уже, то ли голос Насреддина был столь внушительен, что Гарун аль Рашид последовал за ним.

Нападавшие уже ранили многих из охранников халифа, герой Мади стоял на одном колене, но все же не пропускал себе за спину двух нападавших. Один корчился в сторонке, заливаясь кровью.

Увидев, что происходит с правителем полумира, неизвестные нападавшие закричали, предупреждая друг друга, и сразу перестали быть неизвестными, это были переодетые сельджуки. Что побудило Насреддина тащить за собою халифа со все возрастающей силой.

«Куда?!» – задавался немым вопросом правитель полумира, оглядываясь. Насреддин знал, куда, слишком уж его действия были решительны и стремительны. Они шумно форсировали неглубокий арык, текший со стороны дворца и сильно припахивавший фекалиями. Но что им было об этом думать в такой момент. Завернули за могучее дерево, вскарабкались по невысокой полуразрушенной стене и оказались в маленьком каменном стакане. Халиф с немым вопросом бросился к Насреддину, но тот отстранил его и изо всех сил навалился на замшелые камни в самом углу колодца.

Послышался тихий скрип.

Сельджуки метались по переулку, ругаясь и отчаянно разыскивая, куда делись беглецы.

Образовалось в стене довольно большое отверстие, достаточное для того, чтобы пролез человек. Насреддин первым нырнул в него и поманил оттуда халифа. Тот, конечно же, последовал за ним. Через мгновение после того, как он скрылся из колодца в норе, и стена также тяжело затворилась, как и открывалась, на краю стакана появилась усатая голова в черном клобуке. И заныла, никого здесь не найдя.

Птичка упорхнула из клетки.

Насреддин продвигался на четвереньках шагов восемь – десять. Тяжело дыша от волнения и сбитого дыхания, двигался халиф. Наконец Насреддин нащупал тяжелую чугунную решетку, закрывавшую противоположный выход из норы. Решетка отворялась просто. Не торопясь, ибо уже можно было, Насреддин выбрался в небольшой, богато заросший садик, освещенный ликом самодовольной луны.

Вторым, естественно, выбрался Гарун аль Рашид.

Он уже частично пришел в себя и теперь смотрел на простолюдина, спасшего его столь непостижимым образом, с подозрением.

Насреддин ему поклонился и улыбнулся, обтряхивая с одежды пыль и всяческую дрянь. Судя по всему, этим проходом давно уж не пользовались, считая, видимо, чем-то вроде старинного канализационного оттока.

– Кто ты?

– Я бы сказал тебе, повелитель полумира, но, боюсь, ты не поверишь.

– Я повелеваю тебе, – халиф повелевал, но голос его звучал неуверенно.

Насреддин вздохнул.

– Меня зовут Ходжа Насреддин.

Халиф сел на широкую каменную скамью, стоявшую на дне сада. Затравленно огляделся. Где-то выше и дальше слышались приглушенные дворцовые шепоты, может быть, стоило позвать на помощь. Но Гарун аль Рашид был неглупым человеком и понял, что это делать не надо. Не потому, что опасно. Он просто лишит себя возможности проникнуть в большую тайну, по сравнению с которой ночное его посещение Багдада – ерунда.

Он знал, почему-то знал, что короткобородый, улыбающийся простолюдин не врет. И более того, он, кажется, не очень даже простолюдин.

– Рассказывай, – велел Гарун аль Рашид.

– Что именно, величайший?

Владелец полумира на секунду задумался.

– Зачем ты меня спас?

– Чтобы сельджуки тебя не зарубили. Или не пленили, что еще хуже.

– Это были сельджуки?

– Да.

– Я их победил.

– Но они с этим не смирились и вступили в сговор с кем-то у тебя во дворце и узнали тайну твоего ночного путешествия.

Халиф помолчал:

– Может, знаешь, с кем именно?

– Кого ты недавно наказывал, ссылал, загонял в каменный мешок?

Халиф подумал еще минуту.

– Салах хана, визиря гарема.

– Вот ты и сам ответил на свой вопрос.

Гарун аль Рашид поднялся, посмотрел в сторону огня, который мелькал двумя этажами выше – во дворце, очевидно, горел большой плоский светильник. Потом снова сел. Он задал много вопросов, но ситуация яснее не стала.

– Ты еще о чем-то хочешь меня спросить?

Халиф шумно втянул воздух ноздрями, ему не нравилось, когда собеседник читает его мысли, а не лежит в пыли и трепете. Но, кажется, это не совсем обычный человек. Стоит сдерживать свою ярость.

– Ходжа Насреддин?

– Да, повелитель.

– А где твой ишак?

– Там, где я его оставил.

Наступил еще один короткий момент молчания, халиф наконец собрался с мыслями.

– Тебя же казнили.

– Кто?

– Правитель Дамаска.

– А я думал, что правитель Мерва. А может, правитель Каира, или правитель Исфахана.

Это только в этом году.

Халиф пожевал губами. Он помнил длинные и пышные истории о том, как четвертовали Насреддина в Мерве, и о том, как топили в Исфахане. В Каире тоже что-то было.

– Расскажи про Дамаск.

– Тут все просто. Мои друзья, служащие в охране тюрьмы...

– Ладно, я понял.

– Считалось, что я могу смутить любого палача, и поэтому мне накинули на голову мешок и так привели к плахе.

– Хватит.

– Хорошо, величайший, хватит.

Халиф насупился.

– Рассказывай до конца.

– Поскольку под мешком скрывался другой человек, это открылось сразу после того, как ему отрубили голову. Правитель Дамаска, увидав, кого именно казнили, пережил удар и скончался вечером того же дня. Новый правитель счел за лучшее скрыть произошедшее, потому что в дело было посвящено очень мало людей.

– А кто был под мешком?

– Сын предыдущего правителя. Страшный изувер, казнокрад, испытывавший удовольствие от того...

– Я знал его.

– Тогда я умолкаю, величайший.

– Скажи, а почему ты так часто величаешь меня разными звучными титулами? В насмешку? Ведь у тебя наверняка есть способ зарезать меня здесь.

– Нет, величайший. Я в самом деле считаю тебя великим человеком, распространителем нашей веры среди варваров, вроде этих сельджуков, считаю твоё правление благом для Багдада и полумира. Поэтому я тебя спас.

Величайший смотрел на свои ноги и неуютно поводил плечами.

– Кто ты?

– Ходжа Насреддин.

– Ты сам по себе?

– А вот тут мы подошли к самому интересному. В народе бытует такое представление – Ходжа Насреддин сам по себе, едет на своем ишаке куда глаза глядят и все время острит, издеваясь над купцами, баями, менялами.

– А на самом деле?

– Здесь мы подошли к пределу, до которого может распространиться моя откровенность. Я один, и не один. Я здесь, и не здесь.

– Ты не нуждаешься ни в помощи, ни в награде?

– А вот тут ты не прав, величайший.

Халиф заинтересованно поднял голову.

– Что? Ты хочешь сказать, что примешь от меня награду?

– Не только приму, но и буду смиренно просить об этом.

Гарун аль Рашид почувствовал себя увереннее.

– Говори.

– Просьба очень дерзкая и любого другого ты бы стер в порошок, если бы он только заикнулся о таком.

– Говори.

– У тебя есть гарем.

Лицо халифа слегка скривилось. Разговор ему явно перестал нравиться.

– В этом гареме есть молоденькая девушка по имени Гульджан.

– Я не помню ее.

– Вот именно, величайший. Ее привезли насильно, она проплакала все глаза.

– Быть женой правителя полумира – страшное наказание, – иронически и недобро улыбнулся халиф.

– Она внучка моего друга, человека, воспитавшего меня.

– Есть еще один такой, как ты?

– Намного лучше меня, – сказал Насреддин, невольно вкладывая в эти слова не совсем тот смысл, который понял халиф. – Я хочу, чтобы ты ее вернул моему другу.

Халиф почему-то почувствовал в этом представлении Бадруддина ибн Кулара скрытую угрозу, и попытался скрыть это. Он прекрасно помнил, что уже распрощался со своим молодым гаремом.

– Это ты позапрошлой ночью...

– Я, величайший.

– Значит, во дворец есть и другие пути, кроме того, по которому вошли сейчас мы.

– Прошу меня простить, величайший, но старинный твой дворец хранит еще много тайн.

– Хорошо, я выполню твою просьбу, хотя она и идет поперек моей гордости.

– Так же, как твоя сегодняшняя прогулка шла поперек твоей жизни.

Глава 9

Надо ли говорить, что верный умница Симуург ждал Насреддина в условленном месте. На рассвете, сразу после того, как открылись ворота, ведущие в сторону кишлака Кышпыш, веселая пара друзей покинула Багдад. Воротная стража уже обирала какой-то очередной караван. Передовой верблюд товарного транспорта пятился в облаке удушливой пыли. Симуург по своей воле и разумению свернул к этой толпе, присмотрелся к ягодицам стражников и вдруг одну из них жестоко куснул.

Раздал вопль.

Симуург нырнул опять в пыльное облако и был таков.

Насреддин сразу же понял, что случилось, и бросил себе за спину в толпу стражников, орущих в грабительском азарте, обращаясь к одному тому, что кричал от боли:

– А нечего было пинаться!

Проделав знакомый путь к кишлаку Бадруддина ибн Кулара, уже к концу второго дня был на месте. Он рассчитывал, что застанет в доме учителя праздник и радость, так как для выполнения приказа халифа Векиль мог пользоваться значительно более скоростным транспортом, чем он, Насреддин. И не застал.

Неужели халиф обманул?!

Насколько Ходжа знал людей, такого не должно было случиться.

Бадруддин сидел на крыльце дома в виде понурившейся тени. Во дворе его царил все то же уныние.

– Тебя искали! – сказали Насреддину.

– Кто?

– Люди из Багдада.

Насреддин оглянулся с невольной опасливостью.

Положение становилось еще интереснее.

– Те самые, что приезжали за Гульджан.

Насреддин даже не успел обдумать эту новость, как за воротами с храпом остановилось несколько лошадей.

Дети, внуки и правнуки Бадруддина бросились прятаться кто куда.

Слуги помогли толстому Векилю спуститься лошади. Он тяжело вытирал шею платком, розовая чалма его сдвинулась набок. Собственно, по чалме и узнал его Насреддин.

Печальный старец не сдвинулся с места. Сын его принес кувшин с ключевой водой. Векиль жадно припал к нему. Напившись, он передал остатки угощения стражникам и сказал.

– Меня послал величайший, правитель полумира...

Насреддин кивнул, как будто его эта новость совсем не потрясла.

Векиль пребывал в сильнейшем смущении. По описанию этот голодранец очень походил на того, к кому он должен был обратиться с сообщением. И ишак при нем. Непонятно было, почему правитель послал именно его, толстяка Векиля, с этим известием. Он приезжал второй раз в этот кишлак, отчего тот не стал нравиться ему больше. Если первое посещение было легко объяснимо, то сейчас он должен был сказать только три слова. Но он медлил, все еще не готовый поверить, что стоит перед объектом своего путешествия.

– Говори! – помог ему Насреддин. Он говорил просто и властно, как какой-нибудь визирь.

– Дом правителя Казвина, – выдохнул Векиль.

– Это далеко, – сказал Насреддин.

– Мне приказано привезти тебе двух лошадей.

– Обойдусь, – сказал дерзкий, похлопывая своего Симуурга по шее.

- Это подарок правителя, – наливаясь оскорбленной кровью, прошептал евнух.
- Отдай их хозяину этого дома.

Так обойтись с подарком повелителя полумира! Векиль не мог в это поверить, но верить приходилось. Лучше было вообще убраться отсюда, из этого кишлака, где творятся такие несообразности.

Стоявший за дувалом Арслан бек тоже диву давался. Как причудливо распорядилась судьба его доносом в халифский дворец. И что теперь делать?

Насреддин, не дождавшись объяснения по поводу Гульджан, напрямую обратился к Векилю: мол, он ждал более определенного свидетельства доброй воли Гарун аль Рашида. Ведь не о лошадях же тут речь.

Евнух произнес фразу, которую ему было велено заучить наизусть, без посвящения в суть дела:

– Властитель сказал, что ты сам разберешься с правителем Казвина и возьмешь то, что тебе положено.

Векиль ускакал. Внуки-правнуки повыбирались из нор. Бадруддин ибн Кулар, кряхтя, поднялся с низенького крыльца и пересел в угол двора под цветущую алычу. Насреддин последовал за ним.

Помолчав, старик прошептал, но не от желания скрыть свой вопрос от окружающих, просто от слабости:

- Значит, теперь так, Саид?
- Да, учитель.
- И давно?
- Уже восемь лет.
- Значит, в прошлый приезд...
- Да учитель, я как раз готовился к последнему перевоплощению.

Разговор не продолжился, оба участника поняли то, что им следовало понять, остальные члены семьи начали рассаживаться за столом в преддверии обеда, что и положило естественный предел обмену мнениями хозяина и гостя. Вернее, они сменили тему разговора. Старик говорил, не глядя на Насреддина. И ничего не ел. Никто, кстати, не лез к нему с неуместными советами, мол, для поддержания сил нужно питать себя плодами земли.

- Ты сегодня уедешь.
- Посплю после обеда и уеду.
- Тогда, я думаю, ты видишь меня в последний раз.

Насреддин ничего не сказал, только вздохнул.

Представители молодых поклонений затеяли возню за столом, правда беспорядок был тут же устранен старшими.

– Знаешь, Саид, дети – это ответственность, внуки – это счастье, правнуки – это излишнее, – сказал вполголоса старик.

- То есть? А, понял.
- Дни нашей жизни распределяются так. Нам хватает сил воспитывать детей, радоваться внукам. Про правнуков нам должно быть известно только то, что они есть.

Симург в этот момент оторвался от яслей с ячменем, словно обдумывал слова учителя своего хозяина.

- Учитель, я верну Гульджан.
- Батруддин кивнул и заплакал.

Через час Насреддин спал.

Через три часа Симург уверенно, но не слишком торопливо бил своими копытами дорогу по направлению к Казвину.

Глава 10

Как и все города, построенные в предгорьях, Казвин поднимался пышным амфитеатром по боку горы Баалат. В центре располагалась старинная цитадель, возведенная еще древними мидянами, сам город расстраивался тремя большими приступами во времена поздних Ахеменидов, во времена греков Селевкидов, и совсем в недавние времена были воздвигнуты обширные пригороды – мечети, минареты, базары, караван-сарай. Причем, эта новая часть города была не огорожена старинной крепостной стеной, потому что наступили благословенные времена великого арабского правления, и считалось, что город Казвин находится под присмотром самого Аллаха.

– Ну что, Симург, здесь мы с тобой когда-то бывали, – сказал Насреддин, вытирая потное лицо. Жара стояла неимоверная. Дорога, ведущая к Казвину, была оживленной, конечно, не настолько, как дороги к столице полумира, но тоже было на что посмотреть. Верблюды, мулы, ишаки толпились у колодезных колод, куда служители чайхан и караван-сараяв постоянно подливали из колодцев, выдолбленных в каменистой земле.

– По-моему, нам обоим пора перекусить.

В чайхане, которую он выбрал, вряд ли было прохладнее, чем снаружи, но зато она была солидной по размеру. За столами сидело человек до тридцати. Пили, ели, играли в кости. Обычная картина. Насреддин, пользуясь своим невероятным умением сходитьсь с людьми, прохаживался по чайхане и подсаживался то к одной, то к другой группе, не вызывая отторжения.

Через полчаса он знал все о казвинской торговле – что серебро внезапно подорожало, а кони подешевели, что виды на урожай ячменя незавидные, что мулла центральной мечети заболел заворотом кишок, и что в гареме правителя Казвина Мелик бека творится что-то такое, что сам шайтан не разберет.

Насреддин сел, отхлебнул чаю и закрыл глаза.

Сидевший рядом мужчина в приличном халате, солидно пивший чай, вдруг заявил:

– Во-первых, все началось с богатого подарка владельца полумира Гаруна аль Рашида, да продлит Аллах его годы.

– Подарка?

– Что ты имеешь в виду?

Слушатели сгрудились вокруг говорившего. Он сказал, что служит под началом верховного мераба города, и на днях правитель Казвина позвал главного специалиста по воде в свой дворец, дабы что-то там починить по этой части.

– И в это время прибыл маленький караван из Багдада, – рассказчик перешел на шепот и сообщил, что его оставили стоять в галерее, что окружала двор, он схоронился за широким каменным столбом, и ему отлично было видно, как расседлывают мулов, освобождают верблюдов от многочисленных тюков, катят арбы на огромных колесах к специальному сараю в дальней части двора. Но не это главное. Во дворе появились четыре поскуливающие гаремные старухи и два важных евнуха, высокий и маленький. Понимая, что попал в рискованную ситуацию, рассказчик, по его словам, спрятался еще тщательнее и больше ничего не видел. Любопытство ему воистину могло стоять жизни.

– Спрашивается – кто прибыл во дворец владельца Казвина, если встречать его вышло столько служителей гарема?

Слушатели прижали ладони к раскрытым от удивления ртам.

Рассказчик, наслаждаясь произведенным эффектом, отхлебнул чая.

Все терпеливо ждали.

– Уже когда мы с моим господином Джафаром были на улице, за пределами дворца, он поведал мне удивительную историю, – рассказчик снова отхлебнул чая.

Ожидание становилось нестерпимым.

– Властитель полумира, Гарун аль Рашид, да продлит Аллах его годы нам на благо, вынужден был...

В чайхану вошли стражники. Не в поисках кого-то, просто перекусить. Чайханщик бросился со своего места к ним навстречу с веником, разметая скопившийся на полу мусор.

Рассказчик демонстративно вернулся к чаю.

Насреддин вышел из чайханы.

Приезд случился на днях, значит медлить нельзя. Конечно, правитель Казвина не идиот, по крайней мере до этого Мелик бек не был известен сверхъестественной жадностью или сладострастием, он понимает, что Гарун аль Рашид как обиделся на свой гарем, так может его и простить. И горе тому, кто всерьез принял его неожиданный подарок.

В город Насреддин проник довольно легко. Пристроился сзади к процессии калек, направлявшейся к могиле исцелителя Юсуфа. Он изобразил из себя слепого. Жадный, как и все они, стражник обыскал его, конечно, но в поясе Насреддина была лишь половина дирхама. Слепой паломник посоветовал бдительному стражу Казвина поискать монеты в заднице у своего осла. Шутка была, конечно, так себе, но грубоватым сослуживцам жадного стражника хватило, они покатались со смеху. Осмеянный обругал слепого паломника, но ударить все же не посмел.

Насреддин ехал и присматривался. Навстречу ему струился холодный свежий горный поток. Казвин стоял, как уже сообщалось, на боку горы, и сквозь него текло до десятка таких горных арыков, создавая неповторимую прохладную атмосферу. Не было случая в городе, чтобы кто-то заболел холерой или чумой, жители называли Казвин счастливым городом.

Новых зданий было построено немного, но вокруг дворца, который конечно же не шел ни в какое сравнение с дворцом-городом повелителя полумира, возникла улица купеческих домов. Богатеи хотели приобщиться к славе Казвина, пусть и не столичного, но знаменитого города.

Насреддин, увидев эту улицу, расстроился. Получалось так, что его сведения о цитадели Казвина устарели, и надо было искать необычный способ проникновения в гарем владельца. Ходжа остановился под раскидистой старой сливой, доживающей последние дни своей иссохшей жизни, и задумался.

Глава 11

Гульджан заболела. Она ничего не ела, не пила и целыми днями не выходила из своего киоска в гареме, так на нее подействовал переезд из Багдада в Казвин. После посещения Насреддина во дворце Гаруна аль Рашида у нее затеплилась надежда на скорые изменения в ее несчастной судьбе. Убытие в провинцию, тяготы путешествия, все это произвело на нее удручающее впечатление. Ходившая за ней старуха тут же просигнализировала ответственному за новоприбывших девушек евнуху. Ему было достаточно только бросить взгляд на потухшее исхудавшее лицо, чтобы понять – дело плохо.

Евнух доложил старшему евнуху Камиллю, одноглазому жестокосердому негодяю, установившему в подчиненных ему пределах гарема суровый режим. Это было возможно по известным причинам – толстяк, правитель Казвина, предпочитал мальчиков. Поэтому состояние женской части гарема было ему безразлично. Соответственно, и Камиллю тоже.

Но совсем другое дело – гости Гаруна аль Рашида, только бы Аллах не допустил, чтобы одна из этих дивных роз прервала свой жизненный путь здесь, в садах Казвина.

Камиль побежал с докладом к правителю.

Мелик бек всполошился. Он представлял своим внешним видом арбуз, на который кому-то пришлось в голову натянуть шаровары, лицо было красным, глаза гноились, несмотря на непрерывные промывания. Одному из врачей, который сказал, что это происходит от чрезмерного употребления шербета, прописали десяток плетей. Несмотря на то, что вся задница лекаря стала красной, глаза правителя гноиться не перестали.

Теперь же дело было и того пуще.

Жена правителя полумира чахнет в казвинском саду под присмотром Мелик бека!!!

Что ждет невнимательного?

Мелик бек зажмуривал гноящиеся глаза.

– Врача! – потребовал, конечно, он.

Врача доставили из дома лекарей, что находилась на рыночной площади, среди мест для брадобреев, кровопускателей и мастеров, удаляющих подкожных насекомых.

Первый заявил, осмотрев ногти правой руки жены халифа – больше было недопустимо, – что мы имеем дело с потерей аппетита, наступившего ввиду расставания с халифом.

– Что ты прописываешь?

– Прогулки вокруг фонтана и песни персидских наложниц.

Второй посоветовал изменить обыкновенный стол гаремной жительницы – то есть финики, инжир, фаршированный фисташковым пюре, медовые пряники, чем-нибудь мясным.

Третий прописал масляный массаж пяток.

Четвертый порекомендовал арабские сказки.

В общем, если бы толстяк-правитель был человеком жестокосердным, в городе не осталось бы лекарей. Никто не помог. Гульджан сидела на плоских подушках, расшитых бисером, покрытая коричневой кисеей, сквозь которую взирала на желающих ей помочь.

Мелик бек неистовствовал, наподобие настоящего арбуза нетерпеливо катался вокруг киоска Гульджан, подслушивал речь врачей и закатывал глаза, когда выяснялось, что новое лечение подействовало не больше старого.

Гульджан только вздыхала, и вздохи ее разрывали сердце Мелик бека.

Явился очередной врач – и произошло чудо. Едва он только приблизился, как девушка оживилась и уже через несколько слов нового лекаря послышался серебристый звук ее смеха.

Умирующие не смеются.

Мелик бек торжествовал. Вот говорят, что все врачи коновалы и шарлатаны, есть же среди них подлинные умельцы и спасители жизней.

– Тише, тише, Гульджан, – шептал доктор. Он знал, что подслушивает не только правитель, но и Камиль и гаремные старухи. Нельзя было себя выдать и одним движением.

– Хорошо! – тихонько вздохнула девушка.

– Слушай меня внимательно.

– Слушаю.

– Сделай вид, что ты выздоравливаешь.

– Да.

– Когда надзор ослабнет, я приду за тобой.

Гульджан не удержалась и рассмеялась.

В киоск вломился Мелик бек, смех показался ему подозрительным.

– Ты смотри, не очень-то увлекайся, лекарская твоя душонка.

Насреддин держал Гульджан, как и предписывалось, за пальцы правой руки и рассматривал ее ногти.

* * *

Надзор за Гульджан не ослабевал. Насреддин навещал ее каждый день и стал совсем своим человеком в доме правителя. Стражники пропускали его не обыскивая. Лекарь пронес в гарем веревку с петлей, нашел место у окна, где следовало эту веревку закрепить, разведаль, когда спят внимательные старухи, сдружился с одноглазым евнухом Камилем и вечно таскал в кармане своих шаровар немного слабительного, чтобы в нужный момент подмешать в кофейник своего нового друга.

Постепенно план побега прояснялся и оттачивался, хотя и оставался несколько громоздким, на вкус Насреддина. Он нанял хижину на окраине города с подвалом, где собирался переждать неизбежную погоню.

– Будущей ночью, – шепнул он Гульджан во время очередного своего посещения. Она аж вспыхнула от радости, но сдержалась. Вообще она производила впечатление девушки, умеющей держать себя в руках. Она нравилась Насреддину, помогать ей было ему приятно и легко, не то что какой-нибудь деревенской дурехе, попавшей в гарем только благодаря своей тонкой талии и крутым бедрам.

Утром того дня, за которым следовала ночь, предназначенная для побега, Насреддин явился в дом правителя Казвина и застал там сумасшедший переполох.

Что-то произошло.

Знакомые стражники прикладывали руки к губам, призывая к молчанию.

Камиль отказался что-либо объяснить и куда-то укоровлял со своей любимой подушкой и кофейником, подергивая головой, словно желая вытряхнуть последний глаз из нее.

Старухи попрятались.

Насреддин кинулся к киоску Гульджан. Там все было перевернуто. Хорошо, что никто не обратил внимания на веревку, подготовленную к побегу. Видимо, было не до этого.

Надо идти к правителю.

У дверей его опочивальни стоял одинокий стражник, он сам не понимал, кого можно пускать к хозяину, кого нет. Насреддин вел себя решительно, и стражник поверил, что врачу можно войти.

Мелик бек лежал на спине, накрыв голову покрывалом. Под покрывалом он плакал от страха и бессилия. Насреддин сел на ложе, Мелик бек сдернул покрывало, на лице его выразилось неудовольствие, тут же, правда, сменившееся надеждой. Врач, вдруг он не только возвращает здоровье, но и избавляет от неприятностей. Насреддину даже не пришлось ни о чем спрашивать, хозяин Казвина все рассказал ему сам.

Этой ночью явились «они». С помощью нескольких наводящих вопросов врач выяснил, кто имеется в виду.

На самом деле, как он мог об этом забыть. Всего в нескольких днях пути на север, почти на берегу Сельджукского моря (как только ни называли Каспий в разные исторические эпохи), в провинции Дейлем, располагался замок Аламут, в котором сидел Старец Горы, распростерший свою тайную власть почти по всему мусульманскому миру. Власть его держалась на умении подчинить себе несколько сот последователей, одурманенных и оболваненных до такой степени, что они готовы были отдать, не раздумывая, свою жизнь этому Старцу, по первому его требованию. Они, эти фидайны были готовы совершить ради него, Старца, и другие подвиги. Поначалу разные властители пытались воевать этот скверный замок, но всякий раз поход заканчивался на один манер. Утром этот властитель, собиравший порой немаленькую армию, находил вонзенный в его подушку золоченый кинжал рядом с головой, и это притом, что его опочивальня охранялась беспрецедентно. Очень скоро все правители усвоили, что золоченое зло коренится в самом их окружении, их дворцы и крепости просто пропитаны убийцами исмаилитами. Когда убийц все же ловили, они умирали бестрепетно с улыбкой на губах.

Он должен был об этом подумать, корил себя Насреддин.

Правитель Казвина сокрушался, что прибыли шестеро, забрали всех багдадских девушек и, не говоря ни слова, убыли в неизвестном направлении.

Известном, с тихой яростью подумал Насреддин. И совершенно ясно, для чего ему, Старцу, нужны девушки.

– И теперь я между двух огней, – ныл Мелик бек, – если халиф узнает о случившемся, мне не сносить головы. Если бы я попробовал сопротивляться, мне бы тоже ее было не сносить. О, я несчастный.

– В городе что-то знают о случившемся?

– Еще нет. Я велел никому не покидать дома.

– Правильно. Пошли немедленно гонцов в Багдад.

– Зачем, может быть, еще не дойдет до халифа.

– Дойдет обязательно. Пусть твои люди первыми донесут правителю полумира о том, что произошло, о том, что ты героически бился с пришельцами.

– А я бился?

– Да.

– А как...

– Вытащи висельников из своего зиндана, обряди в халаты стражников, заколи их и брось во дворе дома.

Разум Мелик бека начал проясняться.

– А ты куда? – спросил он Насреддина.

– Домой.

Обладатель ишака хорошо понимал, что ему все равно ни за что не догнать всадников, перемещавшихся на отборных ахалтекинцах. Он уповал на то, что Старец, Хасан ас Сабах, всегда тщательно готовил свои представления, и навряд ли сразу же бросит в горнило своего дела полдюжины похищенных красавиц.

– Давай, Симург, давай. У нас есть в запасе два дня, но на большее мы уже не можем надеяться.

Симург «давал», быстренько перебирал каменистую дорогу острыми копытами, не уступая мулам, с которыми ему пришлось идти по пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.